ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.2
УДК 338.242.4
JEL E12, E13, E63, E65, H21

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Стратегические вызовы для российской экономики в 2026 году[1]

Игорь А. НИКОЛАЕВ ✉ iD
Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Николаев, И. А. (2026). Стратегические вызовы для российской экономики в 2026 году. *AlterEconomics, 23*(1), 10–25. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.2

Аннотация. В статье обосновывается, какие стратегические вызовы стоят перед российской экономикой в 2026 году. К вызовам стратегического характера отнесены: замедление (падение) темпов роста ВВП и повышенная инфляция. Такой вывод сделан как на основании формального подхода, исходя из понятия того, что может быть отнесено к стратегическим вызовам, так и на основании содержательного анализа по существу, в том числе и на основе имеющихся статистических данных. Выявлены причины и ухудшения динамики роста ВВП, и повышенной инфляции. Так, среди причин резкого снижения темпов роста ВВП названы: жесткая денежно-кредитная политика, повышение налоговой нагрузки в экономике и другие. Также большое внимание уделено еще одному серьезному вызову для российской экономики — повышенной инфляции. Среди причин роста цен названы: масштабное бюджетное стимулирование экономики (бюджетный импульс), повышение налогов, ускоренная индексация цен (тарифов) на товары (услуги) компаний инфраструктурного сектора и так далее. Обоснованы теоретические подходы и практические механизмы эффективного противостояния стратегическим вызовам. Показано, что кейнсианские подходы в экономической политике по противодействию замедлению (спаду) в экономике на нынешнем этапе ее развития во многом себя исчерпали. Актуальными становятся инструментарии, теоретической основой которых являются монетаризм и экономика предложения. В этой связи необходимо как минимум затормозить рост госрасходов, перейти к снижению налогов, не сворачивать, а активизировать дерегулирование и прочее. Признается, что реализовать подобные меры в нынешней геополитической ситуации, в условиях продолжающегося санкционного давления на российскую экономику, будет очень трудно. Тем не менее на непопулярные меры придется идти в целях предотвращения затягивания и углубления кризисных явлений в российской экономике.

Ключевые слова: стратегические вызовы, замедление ВВП, падение ВВП, повышенная инфляция, налоговая нагрузка, прогноз, бюджетный импульс, кейнсианство, монетаризм, экономика предложения

Благодарность: Институту экономики Российской академии наук за возможность проведения исследования по актуальной экономической тематике, в том числе касающейся вызовов для российской экономики.

[1] © Николаев И. А. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Strategic Challenges Facing the Russian Economy in 2026

Igor A. NIKOLAEV
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

For citation: Nikolaev, I. A. (2026). Strategic Challenges Facing the Russian Economy in 2026. *AlterEconomics, 23*(1), 10–25. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.2

Abstract. This article examines the strategic challenges facing the Russian economy in 2026, including a slowdown in GDP growth and persistently high inflation. The analysis is based both on a formal definition of strategic challenges and on substantive evidence from available statistical data. The study identifies the main causes of declining GDP growth, such as tight monetary policy, an increased tax burden, and other factors. Elevated inflation is also analyzed, with contributing factors including large-scale fiscal stimulus, tax increases, and accelerated price adjustments for goods and services provided by infrastructure companies. The article evaluates theoretical approaches and practical mechanisms for addressing these challenges. It shows that Keynesian policies aimed at countering economic slowdown have largely exhausted their potential at the current stage. In contrast, tools rooted in monetarism and supply-side economics are increasingly relevant. Recommended measures include slowing the growth of government spending, implementing targeted tax cuts, and intensifying rather than curtailing deregulation. Although implementing these measures will be difficult under current geopolitical conditions and sanctions, they are necessary to prevent the economic slowdown from worsening and persisting.

Keywords: strategic challenges, GDP slowdown, GDP fall, elevated inflation, tax burden, forecast, fiscal stimulus, Keynesianism, monetarism, supply-side economics

Acknowledgments: The author thanks the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences for the opportunity to conduct research on pressing economic issues, including those related to the challenges facing the Russian economy.

1. Введение

Вопрос о том, какими могут быть стратегические вызовы для российской экономики в 2026 г., казалось бы, достаточно простой и ответ на него вполне очевиден. Однако если системно взглянуть на него, всё оказывается не так просто. В этом случае придется очень тщательно подойти к определению соответствующей ключевой терминологии.

Прежде всего необходимо уточнить, не содержит ли основной прогнозный правительственный документ — Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 г. и на плановый период 2027 и 2028 гг.[1] — описание вызовов для российской экономики. В данном документе есть указание на риски прогноза, о вызовах не упоминается. Внутренние риски связываются, прежде всего, с более длительным периодом сохранения жестких денежно-кредитных условий. Это может негативно сказаться на экономической активности, что в свою очередь сформирует бюджетные риски. Внешние риски связываются с возможным замедлением темпов роста мировой экономики.

Примечательно, что и внутренние, и внешние риски, их реализация заложены только в консервативном варианте прогноза. Получается, что базовый, он же основной вариант прогноза не предусматривает никаких рисков. В реаль-

[1] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов. [Электронный ресурс]. https://www.economy.gov.ru/material/file/bc142016f6ab3772370bb0b4541fc778/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2026-2028.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

ной экономике такое вряд ли возможно. Однако предметом данного исследования являются не риски, а вызовы для российской экономики, на чем необходимо и сосредоточить внимание. Кроме того, риски — это все-таки не вызовы. Вызовы, в случае их реализации, не обязательно могут иметь негативные последствия, что нельзя сказать о рисках.

Ни в правительственном прогнозе, ни в других документах высокого уровня тема вызовов не представлена. Это актуализирует работу по выявлению вызовов, по определению механизмов противодействия соответствующим негативным последствиям.

2. Вызовы в экономике

Самый главный вопрос, безусловно, состоит в том, что считать вызовами и как на них отвечать. Сегодня, например, одним из глобальных вызовов является искусственный интеллект (ИИ). И это относится далеко не только к экономике. Для начала как раз и предлагается обратиться к ИИ, как он определяет, что можно считать экономическими вызовами.

Определение от ИИ, сформулированное с помощью Alice AI по запросу «дай определение экономических вызовов как совокупности факторов», следующее: в экономике *вызовы — это совокупность внешних и внутренних факторов, которые сами по себе не представляют прямой угрозы экономике, но при определённых условиях могут спровоцировать возникновение таких угроз, дестабилизировать экономическое развитие или ограничить возможности роста*[1].

Важное пояснение состоит в том, что вызов, в отличие от угрозы, — это, скорее, предупреждение о том, что могут возникнуть серьезные проблемы, которые, если их не решать, могут привести к реальному ущербу.

Интересно и то, что ИИ относит к основным характеристикам экономических вызовов. Во-первых, вызов как таковой — это еще не ущерб, но он может к нему привести. Во-вторых, вызовов, как правило, бывает несколько, например, демографические изменения, технологические сдвиги, санкции. Наконец, отличительным признаком вызовов является то, что они побуждают к разработке стратегий, мерам противодействия и адаптации[2].

Можно согласиться с предложенным перечнем основных характеристик экономических вызовов. Однако особое внимание следует обратить на именно потенциальный характер вызовов. Это важно, потому что вызов — это своего рода предупреждение, которое совсем не обязательно может в конечном итоге реализоваться во что-то негативное. Более того, вызов в случае эффективной реакции на него может иметь и абсолютно положительные последствия. Так, тот же ИИ может иметь как негативные, так и позитивные последствия. Точно также вызов — технологическая трансформация — в целом (сегодня к ней по праву относится и ИИ) может закончиться как со знаком «плюс», так и со знаком «минус».

С учетом данного обстоятельства вызов в экономике можно определить, как *ситуацию, требующую реакции на нее, чтобы предотвратить негативное развитие событий и получить, при возможности, определенные выгоды и преимущества*.

---

[1] Алиса AI. Определение вызова в экономике от ИИ. [Электронный ресурс]. https://alice.yandex.ru/chat/019cb475-68d6-4000-b0e5-452142d8c5a3/ (дата обращения: 03.03.2026).

[2] Там же.

Тем не менее далеко не всегда вызовы в экономике — это нечто нейтральное с равными шансами на положительные и отрицательные результаты. К примеру, старение населения — это явный вызов для успешного социально-экономического развития страны. Причем шансов на то, что этот процесс будет иметь, скорее, негативные последствия, гораздо больше по сравнению с возможными положительными результатами. Старение населения — это большая нагрузка на работающее население. Значит, увеличиваются перспективы повышения пенсионного возраста, роста социальных страховых платежей, увеличения налоговой нагрузки в целом. Старение населения — это повышение нагрузки не только на пенсионную систему, но и на систему социального обеспечения в целом, а также на систему здравоохранения. Можно минимизировать негативное влияние вызова старение населения, но вряд ли возможно избежать отрицательных последствий вообще.

Или, например, взять такой вызов, как изменение климата, и посмотреть на то, какими могут быть в этом случае экономические последствия. Начнем с положительного влияния реализации данного вызова. Изменение климата сегодня — это его потепление. Для каких-то регионов нашей страны, приполярных или даже еще севернее, такое потепление может привести к тому, что некоторые южные сельхозкультуры можно будет культивировать и там. Эти регионы станут более подходящими для ведения на их территории экономической деятельности в целом. Напротив, для регионов за Полярным кругом, где еще недавно была вечная мерзлота, ее фактическая ликвидация будет означать высокую вероятность перехода транспортной и жилищно-коммунальной инфраструктуры в аварийное состояние, потому что строилась она в свое время как раз с учетом вечной мерзлоты. В результате такие регионы вынуждены будут изыскивать колоссальные финансовые ресурсы хотя бы на поддержание инфраструктуры в безаварийном состоянии.

Изменение климата сегодня — это и резко возросшее количество природных бедствий и катастроф. Естественно, что ликвидация последствий от них требует огромных ресурсов, что, в конечном итоге, тоже не есть благо для экономики.

Таким образом, вызовы для экономического развития страны — это нередко задачи по минимизации именно негативных последствий.

Теперь к вопросу о том, какие вызовы могут считаться стратегическими для экономики России, т. е. основными, главными. Это те вызовы, которые отличаются в сравнении с другими своей значимостью, тем, что могут повлиять на стратегию развития страны.

Предлагается простой логический подход, чтобы определиться со стратегическими вызовами для экономики России, существующими в настоящее время. Если такие вызовы действительно стратегические (основные, главные), то именно они могут влиять на самые важные (основные, главные) макроэкономические показатели. Сегодня к таким показателям можно отнести ВВП (его динамику) и инфляцию (темп роста цен). Основанием для этого является следующее. В Бюджетном кодексе Российской Федерации статус «исходных» макроэкономических показателей для составления проекта федерального бюджета раньше был прямо закреплен за показателями ВВП (его динамики) и инфляции (с 2007 г. соответствующая 183 статья утратила силу). С учетом того, что закон о федеральном бюджете — это главный финансово-экономический закон страны, были все основания относить ВВП и инфляцию к основным макроэкономическим показателям. В настоящее время такого прямого указания именно в Бюджетном кодексе Российской Федерации на данные

показатели нет, но по факту их основной статус таковым и остался. Ежегодно в ст. 1 федеральных законов об очередном бюджете утверждаются основные характеристики именно исходя из прогнозируемого объема ВВП и уровня инфляции. Следовательно, вызовы, которые могут серьезно повлиять на ВВП и инфляцию, и будут стратегическими для российской экономики. Сегодня к таким вызовам относятся замедление темпов роста экономики и сохранение повышенной инфляции.

Стратегический характер данных вызовов становится ещё более явным на фоне других вызовов, неранжированный перечень которых мог бы выглядеть следующим образом:

— сокращение численности населения;

— замедление темпов роста реальных располагаемых денежных доходов населения;

— дефицит рабочей силы;

— высокая степень износа жилищно-коммунальной инфраструктуры;

— снижение потребительской активности населения;

— снижение темпов роста (с переходом к отрицательной динамике) инвестиций в основной капитал;

— увеличение долговой нагрузки как населения, так и государства;

— рост налоговой нагрузки;

— сохранение санкционного давления на российскую экономику;

— турбулентность на мировых финансовых и товарных рынках;

— старение населения и др.

Перечисленные вызовы, безусловно, создают ситуации, на которые необходимо реагировать в целях предотвращения (минимизации) негативных последствий. В противном случае каждый из вызовов может стать предвестником серьезных проблем для российской экономики. Тем не менее к стратегическим эти вызовы не относятся. Стратегические вызовы для экономики России сегодня — это замедление экономики (снижение темпов роста ВВП) и повышенная инфляция.

Однако делать вывод, что снижение темпов роста ВВП и повышенная инфляция являются стратегическими вызовами для российской экономики только на основание того, что это отражается в основных макроэкономических макропоказателях, было бы неправильно. Признавая, что это в какой-то мере формальный подход, требуется дополнить его соответствующей аналитической оценкой по существу.

Если вызов «замедление экономики» останется без необходимой реакции, то вполне очевидны последствия, с которыми придется столкнуться. Замедление темпов роста экономики, не говоря уже об их переходе в отрицательную плоскость, — это, прежде всего, снижение уровня жизни людей. Такое серьезное последствие теоретически не является обязательным, и вероятной является ситуация, когда падение экономики не обязательно сопровождается снижением уровня жизни людей (если, к примеру, задействовать резервы, увеличить долговую нагрузку и пр.) Однако это, скорее, исключение. Наиболее вероятной является ситуация, когда замедление (падение) экономики всё-таки приводит к снижению уровня жизни людей.

Замедление (падение) темпов роста экономики — это и замедление (падение) темпов роста инвестиций в основном капитал. В этом случае уже можно достаточно уверенно утверждать, что трудности в экономике принимают устойчивый характер, потому что инвестиции в основной капитал — это основа будущего эко-

номического роста. Будет негативная динамика по инвестициям в основной капитал — не будет экономического роста в перспективе (Николаев и др., 2019).

Замедление (падение) темпов роста ВВП есть снижение доходов субъектов экономики. Снижение доходов означает уменьшение налогооблагаемой базы со всеми вытекающими отсюда последствиями. Уменьшение доходов бюджетов приводит к урезанию расходов, причем риск сокращения существует и для расходов социального характера. Эти и другие негативные последствия замедления (падения) темпов роста ВВП подтверждают стратегический характер данного вызова.

Не менее серьезные последствия для экономики несет и повышенная инфляция. Прежде всего она отражается на уровне жизни людей, реальные доходы которых сокращаются тем больше, чем выше инфляция. Рост цен приводит к снижению потребительской активности населения. Падение потребительского спроса, в свою очередь, самым негативным образом сказывается на темпах роста экономики с соответствующими последствиями, о которых было сказано выше.

Повышенная инфляция вносит весомый вклад в формирование такого неблагоприятного для экономического развития фактора, как неопределенность экономической ситуации (Найт, 2003). Когда ясно, что цены растут выше целевых ориентиров, причем это уже становится тенденцией, тогда не очень понятно, на какие уровни цен ориентироваться, что закладывать в бизнес-планы, какие инвестиции (приобретения) планировать и т. д. В результате, как было отмечено выше, неопределенность экономической ситуации возрастает, темпы экономического роста оказываются под давлением и из-за этого фактора.

Стратегический характер такого вызова, как повышенная инфляция, для государства предопределяется также не только возможными экономическими последствиями в случае неэффективной реакции на него, но и вероятными социально-политическими последствиями. Инфляция — экономический феномен, люди чрезвычайно чувствительны к нему по вполне понятным причинам, но их электоральное поведение в немалой степени зависит от того, что происходит с ценами. В том числе поэтому повышенную инфляцию действительно необходимо отнести к вызовам стратегического характера.

Если с формальной и с содержательной стороны вопрос о стратегическом характере вызовов в виде замедления (падения) темпов роста ВВП и повышенной инфляции не возникает, важно проанализировать, насколько эти вызовы актуальны для текущей повестки экономического развития России.

3. Замедление (падение) темпов роста ВВП

По итогам 2025 г. рост ВВП составил около 1 %. Окончательной оценки со стороны Росстата пока нет, но существует вероятность, что итоговый показатель окажется даже меньше 1 %. Если сравнивать с показателем роста ВВП по итогам 2024 г. (4,3 %[1]), то необходимо признать, что в 2025 г. динамика ВВП резко замедлилась, показатель роста ВВП снизился более чем в 4 раза.

Снижение роста ВВП в 2025 г. произошло не только в сравнении с 2024 г., но и по отношению к прогнозным показателям. Это важный момент, потому что одно дело, если замедление экономической динамики было ожидаемым, другое дело, если такое падение темпов роста ВВП никак не прогнозировалось. Прогноз

[1] Индексы физического объема валового внутреннего продукта (в процентах к предыдущему году). [Электронный ресурс]. https://www.fedstat.ru/indicator/57370 (дата обращения: 15.12.2025).

социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 гг. предусматривал, что в 2025 г. ВВП вырастет на 2,5 %[1]. Таким образом, на правительственном уровне ожидалось, что в 2025 г. темпы роста экономики замедлятся, но все-таки не прогнозировалось, что они снизятся так значительно. Упомянутый прогноз, с которым экономика России вступала в 2025 г., весной и осенью корректировался, и его сентябрьская версия уже исходила из того, что показатель составит 1 %[2]. Банк России также ожидал снижения темпов роста ВВП в 2025 г. до 1–2 %, однако и этот прогноз оказался завышенным[3].

Международный валютный фонд в октябре 2025 г. подготовил свой финальный прогноз, как вырастет экономика России в 2025 г., — на 0,6 %[4]. И это, по-видимому, самый пессимистичный прогноз, особенно если сравнивать этот показатель с прогнозом МВФ по росту мировой экономики в целом — на 3,0 %. Впрочем, если сравнивать с оценкой по развивающимся странам в целом (на 4,2 %), оценка по России выглядит совсем уже невысокой. К сведению: прогнозная оценка МВФ по Индии — плюс 6,4 %, по Китаю — плюс 4,2 %. Для сравнения: рост ВВП развитых стран, по прогнозу МВФ, должен составить 1,6 %[5].

Таким образом, замедление темпов роста экономики России стало в 2025 г. явным. Однако для характеристики данного явления в качестве стратегического вызова недостаточно только констатации, что темпы роста экономики упали, потому что теоретически возможно, что это падение экономики «в моменте», и уже по итогам 2026 г. темпы роста ВВП увеличатся. Стратегический вызов — это устойчивая тенденция. Если падение темпов роста ВВП может характеризоваться таким образом, значит, действительно можно говорить о стратегическом вызове.

Анализ устойчивости негативной динамики ВВП должен быть дополнен, во-первых, аналитической оценкой изменения макроэкономических показателей в последние месяцы 2025 г.; во-вторых, важно оценить прогнозные показатели на 2026 г.

Обращает на себя внимание тот факт, что уже в ноябре 2025 г. выпуск товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности, по данным Росстата, ушел в минус на 0,5 % по сравнению с ноябрем 2024 г.[6] Важно принимать во внимание следующее: с 1 декабря 2025 г., по данным Росстата, был резко увеличен

---

[1] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. [Электронный ресурс]. https://www.economy.gov.ru/material/file/b028b88a60e6ddf67e9fe9c07c4951f0/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2025-2027.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

[2] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов. [Электронный ресурс]. https://www.economy.gov.ru/material/file/bc142016f6ab3772370bb0b4541fc778/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2026-2028.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

[3] Среднесрочный прогноз Банка России по итогам заседания совета директоров по ключевой ставке 25 июля 2025 года. [Электронный ресурс]. https://www.cbr.ru/content/document/file/179983/comment_06082025.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

[4] Международный валютный фонд. (2025). *Перспективы развития мировой экономики. Мировая экономика меняется, перспективы остаются неблагоприятными.* [Электронный ресурс]. https://www.imf.org/ru/publications/weo/issues/2025/10/14/world-economic-outlook-october-2025 (дата обращения: 15.12.2025).

[5] Там же.

[6] Федеральная служба государственной статистики. (2025, январь-ноябрь). *Социально-экономическое положение России,* (11). [Электронный ресурс]. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-11-2025.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

размер утилизационного сбора на легковые автомобили, что простимулировало активные покупки в ноябре. Однако уже в декабре 2025 г. ситуация в этом плане резко изменилась, и это не могло не отразиться негативно на показателе оборота розничной торговли. Но не только хороший показатель по обороту розничной торговли в ноябре 2025 г. не смог вывести в положительную плоскость общий Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности. Сельское хозяйство, продукция которого в ноябре 2025 г. выросла на 20,1 %[1] в годовом выражении, также не повлияло принципиально на показатель по базовым видам экономической деятельности в целом.

С учетом того, что явно положительный итог ноября 2025 г. для розничной торговли объясняется разовыми факторами, а показатель по сельскому хозяйству объясняется сезонностью соответствующего производства (2025 г. оказался для растениеводства гораздо более благоприятным по сравнению с 2024 г.), становится понятным, почему результаты конца 2025 г. оказались далеки от ожидаемых. Следует признать: экономика России в последние два месяца 2025 г. фактически ушла в минус.

В 2026 г., по Прогнозу социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 и на плановый период 2027 и 2028 гг., ВВП страны должен вырасти на 1,3 % (по базовому варианту) или на 0,8 % (по консервативному варианту)[2]. Это темпы роста, которые говорят о том, что даже официальные прогнозные оценки исходят из стагнационных темпов роста экономики в 2026 г.

Однако ситуация с большой долей вероятности будет складываться даже хуже, чем прогнозируется. Существует несколько факторов в пользу более негативных итогов 2026 г. Во-первых, даже официальный прогноз исходит из того, что инвестиции в основной капитал будут снижаться (на 0,5 % — базовый вариант)[3], что означает сжатие инвестиционного спроса. Во-вторых, потребительский спрос, учитывая отмеченные выше особенности ноября–декабря 2025 г., тоже не обещает быть большим. В-третьих, с 2026 г. из-за повышения базовой ставки НДС с 20 % до 22 %, введения НДС для значительной части малого бизнеса и других налоговых нововведений существенным образом выросла налоговая нагрузка на бизнес.

Существуют и другие факторы, неблагоприятно влияющие на экономический рост. Однако и названных выше достаточно, чтобы утверждать: при падении инвестиций в основной капитал, снижении потребительской активности населения и повышении налоговой нагрузки наиболее вероятный сценарий состоит не в переходе в 2026 г. к более высоким темпам экономического роста (пусть и до скромных 1,3 %), а в еще большем замедлении экономической динамики.

Таким образом, замедление (падение) темпов роста ВВП является стратегическим вызовом для российской экономики еще и потому, что такая динамика уже фиксируется не только в настоящее время, но она также является наиболее вероятной в обозримой перспективе.

---

[1] Федеральная служба государственной статистики. (2025, январь-ноябрь). *Социально-экономическое положение России,* (11). [Электронный ресурс]. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-11-2025.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

[2] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов. [Электронный ресурс]. https://www.economy.gov.ru/material/file/bc142016f6ab3772370bb0b4541fc778/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2026-2028.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

[3] Там же.

4. Повышенная инфляция

Ускоренный рост цен, в отличие от замедления (падения) темпов роста ВВП, не является очевидным стратегическим вызовом для российской экономики. Объясняется это прежде всего динамикой показателей инфляции во второй половине 2025 г. Именно в этот период произошло явное замедление темпов роста цен. Если в первые месяцы 2025 г. инфляция в годовом выражении доходила до 9–10 %, то к концу года этот показатель опустился до примерно 6 %.

Однако важно то, что даже этот показатель оказался явно выше прогнозного показателя по инфляции, с которым экономика России вступала в 2026 г. — 4,5 %[1]. Следует особо отметить, что сравнение идет именно по отношению к официальному прогнозу показателю, исходя из которого принимался федеральный бюджет на 2025 г. Это важно, т. к. вопрос о том, является ли показатель инфляции повышенным или нет, зачастую решается сравнением с целью Банка России (4 %) и утверждением, что обоснованность этой цели представляется недостаточно убедительной.

Однако прогнозный показатель на ближайшую перспективу и целевой показатель Банка России — это два совершенно разных ориентира. Официальный прогнозный показатель — это то, что реально надеется достигнуть правительство уже в ближайшем году. Целевой показатель Банка России — это ориентир, какой инфляция должна быть, по мнению денежно-кредитных властей, в принципе для эффективного функционирования экономической системы. Когда может быть достигнут целевой показатель — не уточняется, т. е. вполне допускается, что официальный правительственный прогноз по инфляции и цель Банка России могут серьезным образом отличаться. Поэтому оценка фактической инфляции на предмет того, является она повышенной или нет, должна проводиться путем сравнения с правительственным прогнозным показателем, причем именно сравнения с первоначальным прогнозным показателем, с которым экономика вступала в очередной год, исходя из которого принимался федеральный бюджет на этот год. Если провести такое сравнение по итогам 2025 г. (фактические около 6 % инфляции по сравнению с прогнозными 4,5 %), то даже в этом случае показатель роста цен и тарифов в России представляется повышенным. Следовательно, появляются основания, чтобы и этот вызов — повышенную инфляцию — считать стратегическим вызовом для российской экономики.

Теперь требуется оценить перспективы сохранения (усиления) проблемы повышенной инфляции в 2026 г. и дальнейшую перспективу. Если ситуация будет развиваться по негативному сценарию, то вопрос о стратегическом характере вызова в виде повышенной инфляции будет снят.

Анализ возможных проинфляционных факторов 2026 г. говорит о том, что они способны оказать серьезное повышательное влияние на цены. Прежде всего, инфляция 2026 г. вырастет из-за налоговых нововведений, которые серьезным образом увеличивают налоговую нагрузку. Ключевое решение налогового характера — это увеличение с 1 января 2026 г. основной ставки налога на добавленную стоимость (НДС) с 20 % до 22 %. НДС, который «сидит» в стоимости товара или услуги, практически автоматически приводит к росту цен. Льготная ставка

[1] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов. [Электронный ресурс]. https://www.economy.gov.ru/material/file/bc142016f6ab3772370bb0b4541fc778/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2026-2028.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

(10 %) для социально-значимых товаров была сохранена, однако это не смогло сильно повлиять на проинфляционный эффект повышения основной ставки.

Ученые не перестают обращать внимание властей на то, что повышение налогов ускоряет инфляцию. Так, Т. Коуэн отмечал, что «многие налоги в итоге перекладываются на чужие плечи» (Коуэн, 2015).

Однако если вклад повышения ставки до 22 % в инфляцию признавался и министром финансов Российской Федерации А. Силуановым[1], и Банком России[2] еще осенью 2025 г., то аналогичное влияние другой меры, которая также была реализована с 1 января 2026 г., соответствующим образом не оценивалось. Речь идет о снижении для значительной части малого бизнеса (тех, кто использовал упрощенную и патентную системы налогообложения — УСН и ПСН) порога годовой выручки для уплаты НДС. Такой порог в 2026 г. составляет 20 млн руб., в 2027 г. он будет на уровне 15 млн руб., в 2028 г. — 10 млн руб. Учтем к тому же инфляцию и пролонгированный характер данной меры, которая вносит свой весомый вклад в повышенную инфляцию 2026 г. Выросли в 2026 г. и акцизы на алкоголь, табак, топливо и автомобили.

Что касается автомобилей, то на них следует остановиться более подробно. С 1 декабря 2025 г. значительно вырос размер утилизационного сбора (на легковые автомобили с мощностью двигателя свыше 160 л.с.), а с 1 января 2026 г. этот сбор увеличился еще на 10–20 % в зависимости от модификации того или иного авто. Учитывая значительную долю, которую занимает продажа легковых автомобилей в объеме розничной торговли, можно с уверенностью утверждать, что подобное повышение утильсбора уже внесло существенный вклад в поддержание инфляции на повышенном уровне.

Названными выше мерами повышение налоговой (точнее фискальной) нагрузки не ограничивается. Так, с 1 сентября 2026 г. начнет действовать еще одна показательная мера — технологический сбор. Этот сбор будет взиматься с импортируемой продукции по тем товарным позициям, по которым доля отечественных товаропроизводителей не очень большая. Средства, полученные от взимания технологического сбора, целевым образом пойдут на развитие отечественной радио- и микроэлектроники. Существует много вопросов о необходимости и своевременности взимания технологического сбора. Однако в рамках нашего анализа важно то, что это еще одна мера, усиливающая фискальную нагрузку в экономике и вносящая, таким образом, свой вклад в повышение инфляции.

Повышение налогов и сборов — весомый проинфляционный фактор, но далеко не единственный и уж точно не базовый. Базовым фактором сохранения инфляции на повышенном уровне является бюджетный импульс, т. е. масштабное денежное стимулирования экономики за счет средств федерального бюджета (Николаев, 2024). По итогам 2025 г. расходы федерального бюджета составили

[1] Минфин России. (2025, 06 октября). *Министр финансов РФ Антон Силуанов представил на парламентских слушаниях в Совете Федерации проект федерального бюджета на 2026–2028 гг.* [Электронный ресурс]. https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39963-ministr_finansov_rf_anton_siluanov_predstavil_na_parlamentskikh_slushaniyakh_v_sovete_federatsii_proekt_federalnogo_byudzheta_na_2026-2028_gg (дата обращения: 15.12.2025).

[2] Центральный банк Российской Федерации. (2025, октябрь). *О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки. Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования,* (7). [Электронный ресурс]. https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/59325/bulletin_25-07.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

не менее 42,3 трлн руб., в то время как по итогам 2023 г. этот показатель равнялся 32,4 трлн руб.[1], т. е. рост расходов составил не менее 9,9 трлн руб., или 30,6 % всего лишь за два года. Это колоссальный рост даже с учетом того, что речь идет о приращении расходов в номинальном выражении.

Если помнить, что и до этого, фактически с начала пандемии COVID-19 в 2020 г., расходы федерального бюджета прирастали значительно, становится ясно, что планка расходов федерального бюджета сегодня находится на очень высоком уровне. В 2026 г. расходы федерального бюджета превысят 44 трлн руб.[2] Требуется принять во внимание, учитывая практику прошлых лет, что по итогам года фактические расходы могут оказаться существенно выше. Значит, высокий уровень бюджетных расходов продолжает формировать прочную монетарную основу для инфляции на повышенном уровне.

В 2026 г. сохраняется и немонетарная основа растущей инфляции — ускоренная индексация регулируемых тарифов. Цены (тарифы) на товары и услуги хозяйствующих субъектов, осуществляющие регулируемые виды деятельности в инфраструктурном секторе, будут индексироваться в ускоренном порядке. Важнейшее значение в этом плане имеет индексация совокупного платежа граждан за коммунальные услуги. Данный платеж, как предусмотрено Прогнозом социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 г. и на плановый период 2027 и 2028 гг., вырастет с 1 октября 2026 г. на 9,9 %, в 2027 г. — на 8,7 % (с 1 июля) и в 2028 г. — на 7,1 % (с 1 июля)[3]. Это при том, что прогнозируемая инфляция будет составлять 4 % ежегодно. Что касается 2027 и 2028 гг., то существует с учетом практики прошлых лет большая вероятность, что индексировать тарифы ЖКХ будут на бóльшую величину по сравнению с первоначальным прогнозом.

Касательно увеличения совокупного платежа граждан за коммунальные услуги, необходимо помнить, что из-за повышения основной ставки НДС с 20 % до 22 % индексация тарифов ЖКХ уже состоялась с 1 января 2026 г. в пределах 1–2 процентных пунктов. Данный факт выпал осенью 2025 г. из поля зрения тех, кто интересуется проблемой роста тарифов ЖКХ. Однако в 2026 г., когда это стало реальностью, проинфляционный эффект тарифов ЖКХ стал еще более явным.

Еще один немонетарный фактор инфляция — инфляционные ожидания граждан. Они оставались и остаются на высоком уровне. По результатам опросов, которые проводятся по заказу Банка России, ожидаемая инфляция во второй половине 2025 г. сохранялась на уровне 13–14 %[4], значительно превышая статистически фиксируемую инфляцию в годовом выражении. Показательно, что инфляционные ожидания граждан, несмотря на явное снижение уровня фиксируемой инфляции

[1] Минфин России. (2026). *Краткая информация об исполнении федерального бюджета*. [Электронный ресурс].https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=80042-kratkaya_ezhemesyachnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta_mlrd._rub._nakopleno_s_nachala_goda (дата обращения: 25.02.2026).

[2] Федеральный закон от 28.11.2025 № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов». [Электронный ресурс]. http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511280088 (дата обращения: 15.12.2025).

[3] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов. [Электронный ресурс]. https://www.economy.gov.ru/material/file/bc142016f6ab3772370bb0b4541fc778/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2026-2028.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

[4] Центральный банк Российской Федерации. (2025, 24 декабря). *Инфляционные ожидания повысились*. [Электронный ресурс]. https://www.cbr.ru/press/event/?id=28217 (дата обращения: 29.12.2025).

во второй половине 2025 г., оставались высокими. Это означает, что люди оценивали и оценивают будущую инфляцию как повышенную. В таком случае это оказывает серьезное стимулирующее воздействие на рост цен. Современная экономика — это экономика настроений, поведенческая экономика. Если люди ждут высокую инфляцию, то таковой она с большой долей вероятности и будет.

Перечисленные выше и иные факторы, стимулирующие ускоренный рост цен в 2026 г., дают основания утверждать, что повышенная инфляция действительно является стратегическим вызовом для российской экономики.

5. Как реагировать на стратегические вызовы: теория и практика

Когда происходит явное замедление экономического роста, формируются риски ухода экономики в кризис, остро встает вопрос, где взять необходимые инвестиции. Причем очевидно, что деньги одномоментно не исчезают из экономики, такое невозможно, но их действительно «почему-то» становится резко не хватать.

Принципиально может быть два источника финансовых ресурсов, необходимых не только для подержания экономики, но и ее развития: государство и частный бизнес. В условиях, когда частные инвестиции замирают, потому что предприниматели не без основания считают, что инвестировать в условиях ухудшения экономической ситуации рискованно, именно государство, как показывает теория и практика, может взять на себя ответственность за обеспечение экономики необходимым объемом финансовых ресурсов. Масштабное денежное стимулирование экономики за счет бюджетных средств — испытанное средство поддержания предпринимательской активности в тяжелые для экономики периоды.

Теоретическая основа такой политики — кейнсианство, родоначальником соответствующей теории является Д.М. Кейнс (Кейнс, 2024). Важны и неокейнсианские теории, свой вклад в их разработку внесли: Р. Харрод (Харрод, 1964, 2007), Э. Хансен (Хансен, 1952, 2007), К. Кларк (Clark, 1965), Х. МакКрэкен (McCracken, 1961) и др.

Проблема в том, что такое стимулирование не может быть постоянно действующим механизмом, т. е. именно масштабное денежное стимулирование экономики за счет бюджетных средств. Временность данного антикризисного по сути механизма объясняется ограниченностью денежных ресурсов для проведения подобной политики. Когда денег начинает не хватать для ее продолжения, государство зачастую идет по самому простому и быстрому пути — повышает налоги. Повышение налоговой нагрузки самым негативным образом сказывается на экономическом росте.

Однако снижение темпов экономического роста становится следствием не только повышения налоговой нагрузки. Важнейшее значение имеет следующая причинно-следственная связь. Кейнсианские методы экономической политики, реализуемые прежде всего через бюджетный импульс, приводят к ускоренному росту цен. На примере России это подтверждается очень убедительно. Банк России, пытаясь противостоять росту инфляции, начинает повышать ключевую ставку. В результате к декабрю 2024 г. ключевая ставка была повышена до 21 % (при инфляции по итогам 2024 г. в 9,5 %)[1]. Столь высокий уровень ключевой ставки ожидаемо негативно сказался на деловой активности, потому что кредитные ресурсы стали для бизнеса очень дорогими. В итоге темпы экономического роста по ВВП резко снизились: с 4,3 % в 2024 г. до примерно 1 % по итогам 2025 г.

[1] Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации в 1991–2025 гг. [Электронный ресурс]. https://www.fedstat.ru/indicator/31074 (дата обращения: 15.12.2025).

То, что кейнсианские меры по противодействию кризису привели и к повышению налоговой нагрузки, и к высокому уровню ключевой ставки Банка России, а это в конечном счете привело к явному замедлению экономической динамики, не означает, что такие меры являются ошибочными, неверными или неэффективными. Это также доказывается новейшей экономической историей России. Именно благодаря кейнсианству, масштабному бюджетному стимулированию потребительского и инвестиционного спроса в России в 2023–2024 г. был обеспечен даже заметный экономический рост на фоне мощнейшего санкционного давления на российскую экономику. В 2023 г. ВВП России вырос, по данным Росстата, на 4,1 %, а в 2024 г. — на 4,3 %[1]. Результативность кейнсианства может быть обеспечена только в относительно кратком временном периоде. Причина такой ограниченности проста и очевидна, поскольку она предопределяется ограниченностью необходимых финансовых ресурсов.

Однако у кейнсианства есть и важное преимущество: оно позволяет очень быстро и эффективно отреагировать на ухудшающиеся экономические условия, потому что государство с его бюджетными возможностями способно быстро и масштабно профинансировать в сложный для экономики период потребности потребительского и инвестиционного спроса.

Эффективное кейнсианство предполагает, что по мере исчерпания его потенциала на смену бюджетному стимулированию экономики должен прийти другой подход. Ответ на вопрос о том, каким он может быть, следует из признания следующего факта: деньги в экономику, по большому счету, могут прийти и от бизнеса. По мере исчерпания бюджетных возможностей государства встает вопрос о финансовых ресурсах бизнеса. Здесь возможная развилка состоит в следующем: можно или попытаться изъять с помощью налогов деньги в бюджет и, по сути, продолжить политику бюджетного импульса, или оставить больше средств бизнесу, побуждая его инвестировать в экономику.

Альтернатива в виде снижения налогов и стимулирования бизнеса вкладываться в экономику представляется более рискованной, но при более внимательном рассмотрении практически безальтернативной. Продолжение политики повышения налогов чревато всё большим торможением экономики, переходом ее в глубокий экономический кризис.

Теоретической основой политики снижения налогов является теория экономики предложения (Canto et al., 1986). Экономика, согласно этой теории, должна расти за счет того, что бизнес начинает производить (предлагать) всё больше и больше товаров и услуг, начинает он производить больше товаров и услуг, инвестировать в производство потому, что есть финансовые возможности для этого, в т. ч. из-за снижения налогов. Всё по «кривой Лаффера» (Laffer, 1981): если налогообложение становится чрезмерным, то объем собираемых государством налогов сокращается, если щадящее налогообложение — государство не теряет в объеме собираемых налогов, а у бизнеса остаются средства для инвестиций. Развитие экономики предложения, безусловно, связано не только со снижением налогов, но все-таки именно это является ключевой мерой.

Альтернативой кейнсианству является не только теория экономики предложения, но и монетаризм. Словарь Collins определяет эту теорию, отмечая необходи-

[1] Индексы физического объема валового внутреннего продукта (в процентах к предыдущему году). [Электронный ресурс]. https://www.fedstat.ru/indicator/57370 (дата обращения: 15.12.2025).

мость «сбалансированного» соотношения между количеством денег, доступных для финансирования покупок товаров и услуг, с одной стороны, и способностью экономики производить эти товары и услуги — с другой[1]. Вспомнить об этой теории и о тех, с кем она ассоциируется (М. Фридман и другие представители чикагской школы), заставляет проблема повышенной инфляции в российской экономике.

Бюджетный импульс — это и чрезмерное предложение денег. Можно, разумеется, спорить с характеристикой чрезмерности, но факт есть факт: темпы приращения денег в экономике в 2020–2025 гг. благодаря выросшим расходам федерального бюджета значительно опережали темпы роста ВВП. Это, согласно теории монетаризма, и явилось причиной повышенной инфляции. Если это так, то рост расходов должен быть как минимум более сдержанным.

«Великое противостояние» кейнсианства и монетаризма началось еще в 1970-е гг., когда проявилась ограниченная эффективность практических мер, базирующихся на теории Д.М. Кейнса. Тогда, уже в 1980-е гг., победу одержали сторонники М. Фридмана. Так и продолжается это противостояние с переменным успехом то одной, то другой теории.

6. Выводы

Стратегические вызовы для российской экономики в виде замедления (падения) темпов роста ВВП и повышенной инфляции требуют на современном этапе решения соответствующих проблем через уход от кейнсианства и переход к методам монетаризма и экономики предложения. Это означает, что рост расходов федерального бюджета уже не может осуществляться такими темпами, как это было в 2020–2026 гг. Кроме того, требуется не повышать, а снижать налоговую нагрузку.

Необходимо реализовать еще целый комплекс мер, чтобы эффективно отреагировать на сегодняшние стратегические вызовы для российской экономики: ослабить денежно-кредитную политику, продолжить осуществлять дерегулирование предпринимательской деятельности, снизить темпы индексации цен (тарифов) на продукцию (услуги) компаний инфраструктурного сектора, развивать конкуренцию, стимулировать инновации, предпринять меры по смягчению проблемы дефицита кадров и др.

Быстро перейти к более высоким темпам экономического роста и одновременно ощутимо снизить инфляцию российской экономике в нынешней ситуации вряд ли получится. Без экономического кризиса прожить 2026 г. уже будет, по-видимому, невозможно. Однако столь категоричный и не самый оптимистичный вывод не отрицает те меры, которые необходимо предпринять в целях эффективного реагирования на стоящие сегодня перед российской экономикой стратегические вызовы. «Эффективное реагирование» в нынешней ситуации будет означать уже хотя бы минимизацию возможных издержек и сокращение продолжительности кризисного периода.

Список источников

Кейнс, Д. (2024). *Общая теория занятости, процента и денег.* Москва: АСТ, 544.

Климанов, В. В., Тимушев, Е. Н. (2025). Приоритетные расходы федерального бюджета. *Финансы,* (10), 24–31. EDN SWYYTE.

[1] Пасс, К., Лоуз, Б., Дэвис, Л. (1998). *Словарь по экономике*. Пер. с англ. под ред. П. А. Ватника. Санкт-Петербург: Экономическая школа, 752.

Коуэн, Т. (2015). *Среднего более не дано. Как выйти из эпохи Великой стагнации.* Москва: Издательство Института Гайдара, 320.

Лев, М. Ю. (2024). Ценовые тренды в прогнозе социально-экономического развития и их оценка в федеральном бюджете в аспекте экономической. *Экономическая безопасность, 7*(10), 2465–2484. EDN GFSRHR. https://doi.org/10.18334/ecsec.7.10.121926

Муратова, Е. В., Шмелев, И. В. (2025). Социально-экономический прогноз как предмет административно-правового спора. *Образование и право,* (11), 327–329. EDN CFCFNX. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2025-11-327-329

Найт, Ф. Х. (2003). *Риск, неопределенность и прибыль.* Москва: Дело, 360.

Николаев, И. А. (2024). *Возможности и ограничения бюджетного импульса в экономической политике России в условиях санкций:* Научный доклад. Москва: Институт экономики РАН, 53.

Николаев, И. А., Марченко, Т. Е., Точилкина, О. С. (2019). Инвестиции как источник экономического роста. *Общество и экономика,* (5), 5–27. https://doi.org/10.31857/S020736760004940-3

Хансен, Э. (2007). *Экономические циклы и национальный доход.* Москва: Директ-Медиа, 644.

Харрод, Р. (2007). *К теории экономической динамики.* Москва: Директ-Медиа, 175.

Canto, V. A., Joines, D. H., & Webb, R. I. (1986). The revenue effects of the Kennedy and Reagan tax cuts: Some time series estimates. *Journal of Business and Economic Statistics, 4*(3), 281–288. https://doi.org/10.1080/07350015.1986.10509525

Clark, C. (1965). The fundamental problems of economic growth. *Weltwirtschaftliches Archiv,* 1–9.

Hansen, A. H. (1939). Economic Progress and Declining Population Growth. *The American Economic Review, 29*(1), 1–15.

Hansen, A. H. (1952). Toward a Dynamic Theory of the Cycle. *The American Economic Review, 42*(2), 74–83.

Harrod, R. F. (1964). Retrospect on Keynes [1963]. In R. Lekachman (Ed.), *Keynes's General Theory* (pp. 139–152). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-1-349-81807-5_7

Laffer, A. B. (1981). Government Exaction and Revenue Defficiencies. *Cato Journal, 1*(1), 1–21.

Malakhov, V. A., & Nesytykh, K. V. (2022). Russia's Long-Term Macroeconomic Losses and Benefits from the Low-Carbon Development of the World and Domestic Energy Industry. *Studies on Russian Economic Development, 33* (4), 392–401. https://doi.org/10.1134/s1075700722040050

McCracken, H. L. (1961). *Keynesian Economics in the Stream of Economic Thought.* Baton Rouge: Louisiana State University Press, 201.

References

Canto, V. A., Joines, D. H., & Webb, R. I. (1986). The revenue effects of the Kennedy and Reagan tax cuts: Some time series estimates. *Journal of Business and Economic Statistics, 4*(3), 281–288. https://doi.org/10.1080/07350015.1986.10509525

Clark, C. (1965). The fundamental problems of economic growth. *Weltwirtschaftliches Archiv,* 1–9.

Cowen, T. (2015). *Srednego boleye ne dano. Kak vyyti iz epokhi Velikoy stagnatsii [Average is over: Powering America beyond the age of the Great Stagnation]*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 320. (In Russ.)

Hansen, A. (2007). *Ekonomicheskiye tsikly i natsional'nyy dokhod [Business cycles and national income]*. Moscow: Direct-Media Publ., 644. (In Russ.)

Hansen, A. H. (1939). Economic Progress and Declining Population Growth. *The American Economic Review, 29*(1), 1–15.

Hansen, A. H. (1952). Toward a Dynamic Theory of the Cycle. *The American Economic Review, 42*(2), 74–83.

Harrod, R. F. (1964). Retrospect on Keynes [1963]. In R. Lekachman (Ed.), *Keynes's General Theory* (pp. 139–152). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-1-349-81807-5_7

Harrod, R. F. (2007). *K teorii ekonomicheskoy dinamiki [Toward a Dynamic Economics]*. Moscow: Direct-Media Publ., 175. (In Russ.)

Keynes, J. M. (2024). *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg [The General Theory of Employment, Interest and Money]*. Moscow: AST Publ., 544. (In Russ.)

Klimanov, V. V., & Timushev, E. N. (2025). Priority expenditures of the Federal Budget. *Finansy [Finance],* (10), 24–31. EDN SWYYTE. (In Russ.)

Knight, F. H. (2003). *Risk, neopredelennost' i pribyl' [Risk, Uncertainty and Profit]*. Moscow: Delo Publ., 360. (In Russ.)

Laffer, A. (1981). Government Exaction and Revenue Defficiencies. *Cato Journal, 1* (1), 1–21.

Lev, M. Yu. (2024). Price trends in the forecast of socio-economic development and their assessment in the federal budget in terms of economic security. *Ekonomicheskaya bezopasnost' [Economic Security], 7*(10), 2465 –2484. EDN GFSRHR. https://doi.org/10.18334/ecsec.7.10.121926 (In Russ.)

Malakhov, V. A., & Nesytykh, K. V. (2022). Russia's Long-Term Macroeconomic Losses and Benefits from the Low-Carbon Development of the World and Domestic Energy Industry. *Studies on Russian Economic Development, 33* (4), 392–401. https://doi.org/10.1134/s1075700722040050

McCracken, H. L. (1961). *Keynesian Economics in the Stream of Economic Thought.* Louisiana State University Press.

Muratova, E. V., & Shmelev, I. V. (2025). Socio-economic forecast as a subject of administrative legal dispute. *Obrazovaniye i pravo [Education and Law],* (11), 327–329. EDN CFCFNX. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2025-11-327-329 (In Russ.)

Nikolaev, I. A. (2024). *Vozmozhnosti i ogranicheniya byudzhetnogo impul'sa v ekonomicheskoy politike Rossii v usloviyakh sanktsiy [Possibilities and Limitations of Budget Impulse in Russia's Economic Policy under Sanctions]*. Moscow: Institute of Economics, RAS, 53. (In Russ.)

Nikolaev, I. A., Marchenko, T. E., & Tochilkina, O. S. (2019). Investment as a source of economic growth. *Obshchestvo i ekonomika [Society and Economy],* (5), 5–27. https://doi.org/10.31857/S020736760004940-3 (In Russ.)

Информация об авторе

Николаев Игорь Алексеевич — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра инновационной экономики и промышленной политики, Институт экономики РАН; https://orcid.org/0009-0004-1403-1593 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-кт, д. 32; e-mail: Nikolaev1806@mail.ru).

About the author

Igor A. Nikolaev — Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher at the Center for Innovative Economics and Industrial Policy, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0009-0004-1403-1593 (32, Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: Nikolaev1806@mail.ru).

Дата поступления рукописи: 19.12.2025.
Прошла рецензирование: 26.12.2025.
Принято решение о публикации: 10.02.2026.
Received: 19 Dec 2025.
Reviewed: 26 Dec 2025.
Accepted: 10 Feb 2026.